

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/24099554/24/10

«Пришельцы» и «туземцы»: колониальные контрасты в крымском травелоге Г.Н. Потанина

Павел Викторович Алексеев^{1, 2}

¹ Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

² Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

^{1, 2} *pavel.alekseev.gasu@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется травелог Г.Н. Потанина «Крымские письма сибиряка» (1876), написанный по итогам его поездки в Ялту летом 1875 г. Исследование основано на эпистолярных, публицистических и мемуарных источниках, которые позволяют выявить ключевые мотивы текста: противопоставление Крыма и Сибири как различных имперских окраин, критика культурной и экономической стагнации Крыма, а также концептуализация Сибири как динамичного региона. Также рассматриваются несоответствия в хронологии описанных событий, репрезентация «пришельцев» и «туземцев» в рамках ориенталистских дискурсов и идеологические импликации крымского травелога Потанина как формы «антитравелога».

Ключевые слова: Г.Н. Потанин, травелог, Крым, Сибирь, областничество, Цонтай Мерген, ориентализм

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-01431 «Репрезентация пространства Украины в русской культуре конца XVIII – XIX веков (на материале отечественных травелогов): дискурсы, нарративы, топосы», <https://rscf.ru/project/24-28-01431/>).

Для цитирования: Алексеев П.В. «Пришельцы» и «туземцы»: колониальные контрасты в крымском травелоге Г.Н. Потанина // Имагология и компаративистика. 2025. № 24. С. 209–228. doi: 10.17223/24099554/24/10

Original article

doi: 10.17223/24099554/24/10

"Aliens" and "natives": Colonial contrasts in Grigory Potanin's Crimean travelogue

Pavel V. Alekseev^{1, 2}

¹ Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russian Federation

² Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation

^{1, 2} pavel.alekseev.gasu@gmail.com

Abstract. The article examines Grigory Potanin's travelogue "Crimean Letters of a Siberian" (1876), based on his trip to Yalta in the summer of 1875, within the context of other travelogues Potanin prepared for publications associated with the ideologists of regionalism. In 1876, Potanin published three texts under different titles that are closely interrelated: "Crimean Letters of a Siberian," "From a Siberian's Notebook" (both in the newspaper *Sibir'*), and "Travel Notes from Novocherkassk to Kazan" (in the Kazan collection *The First Step*). The research is based on epistolary, journalistic, and memoir materials, revealing the significance of Potanin's sketches as an example of the hybrid travelogue genre. By actively employing techniques of literary and journalistic writing, Potanin constructs a symbolic space in which Siberia represents a model of a dynamic and promising region, while the Crimea is depicted as a static and culturally degraded periphery. The analysis separately addresses the problems of the unreliable narrator and conscious mystification concerning the structure of the travelogue, as well as the timing and itinerary of the 1875–1876 journey to the Crimea and China (via Siberia). The author emphasizes the fact that "Crimean Letters of a Siberian" and "Travel Notes from Novocherkassk to Kazan," published in different venues, actually reflect the same journey undertaken by Potanin in the summer of 1875 along the route St. Petersburg – Crimea – St. Petersburg. Meanwhile, the text "From a Siberian's Notebook" describes the route taken a year later on the way to a scientific expedition. The travelogue text is analyzed through the prism of regionalist ideology, orientalism, and the key cultural and social challenges of the 1870s. Central focus is placed on the problems of representing the imperial peripheries—the Crimea and Siberia—and their juxtaposition as "alien" and "native" spaces. The article demonstrates that Potanin uses the Crimean travelogue as a means to critique imperial policy and shape a regional identity (for instance, through the metaphorical representation of Siberia as a woman, including material from the Barabinsk Tatars' folklore

plot about Tsontai Mergen and Pi-Kyz). The author discusses comparative aspects of local patriotism using the examples of P.P. Yershov and T.G. Shevchenko, illustrating them through a comparison of Ukrainian and Siberian regionalism, as well as through the interplay of motifs of Eastern and Western identity. The work emphasizes Potanin's unique role as an ideologist, scholar, and publicist who synthesizes scientific, literary, and journalistic styles of writing. The key conclusions of the article pertain to the analysis of the genre specificity of Potanin's Crimean travelogue, his contribution to the formation of Siberian imagology, and his role in the development of regionalist ideas in the 19th century. The presented text is viewed as part of a broader discourse of microhistory, contributing to a deeper understanding of the social and cultural dynamics of the Russian Empire.

Keywords: Grigory N. Potanin, travelogue, Crimea, Siberia, regionalism, Tsontai Mergen, Orientalism

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-01431, <https://rscf.ru/project/24-28-01431/>

For citation: Alekseev, P.V. (2025) "Aliens" and "natives": Colonial contrasts in Grigory Potanin's Crimean travelogue. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 24. pp. 209–228. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/24/10

Период с 1873 по 1876 г. стал поворотным в жизни и деятельности Г.Н. Потанина. В 1873 г. завершилась его «бессрочная» ссылка в Вологодской губернии: он получил помилование по делу о сибирском сепаратизме, вступил в брак с А.В. Лаврской, переехал в Санкт-Петербург и уже вскоре, в 1876 г., возглавил экспедицию в Северный Китай, профинансированную Императорским Российским Географическим обществом. Материалы, подготовленные по итогам этой экспедиции, утвердили его репутацию как авторитетного ученого [1. С. 67], но сложившаяся в Сибири (и в областническом движении) ситуация требовала более широкой активности: нужно было не только изучать имперские фронтиры в Сибири, но и системно ставить «сибирские вопросы» в повестку дня максимально широкой аудитории. Данный период так или иначе рассмотрен в трудах М.В. Шиловского [2], Н.В. Жиликовой [3], К.В. Анисимова [4], А.В. Головинова, В.А. Должикова [5], А.П. Казаркина [6], А.С. Янушкевича [7], Н. Перейры [8], С. Ватруса [9] и др. в рамках исследований личности Потанина и истории сибирского областничества с идеологической и художественной точки зрения.

В этот период складывались основные направления творческой активности Г.Н. Потанина – ученого, публициста, идеолога. Он вел насыщенную переписку с Н.М. Ядринцевым, который до конца 1873 г. продолжал отбывать ссылку в Архангельской губернии, писал статьи для «Камско-Волжской газеты», издававшейся К.В. Лаврским в Казани с 1872 г. Публикации о Сибири не только обогатили содержание газеты, но и фактически превратили ее в первый печатный орган областничества, который пользовался спросом далеко за пределами Казани. После закрытия казанского издания областники сосредоточили свои усилия на иркутской прессе: в 1876 г. газета «Сибирь» под редакцией В.И. Вагина стала первым областническим изданием, выпускавшимся непосредственно в Сибири. Потанин подробно описал этот этап в своих воспоминаниях, опубликованных в газете «Сибирская жизнь», особо отметив роль Н.М. Ядринцева: «С первых дней издания мы стали неутомимыми сотрудниками “Сибири”, издававшейся в Иркутске. Ядринцев посылал статьи из Петербурга, я из Крыма» [10. С. 298].

Потанин развивал мастерство в различных жанрах и стилях: совместно с П.П. Семеновым он выпустил дополнения к труду Карла Риттера «Землеведение Азии», параллельно писал аналитические статьи и путевые заметки. Нельзя сказать, что такой синкретизм был специфическим явлением, поскольку основная часть описаний Сибири до Потанина уже сочетала в себе стремление к научному освоению имперских пространств и их романтическую экзотизацию [4. С. 10] – это вполне соответствовало логике эволюции жанра травелога. Однако в случае Потанина и травелога, и статьи о Сибири, и книги по материалам экспедиций являются разножанровыми и разностилевыми вариациями одного и того же типа письма, восходящего к европейским дискурсам «научного путешествия» и нарративной позиции путешествующего ученого.

Такой взгляд на потанинское наследие значительно повышает значимость текстов, формально сближающихся с жанром травелога, поскольку здесь возможно более гармоничное сочетание объективного (рационального) и субъективного (идеологического). Но если публицистическое наследие Потанина в целом изучено, то травелоги в жанровом отношении остаются «белым пятном». Вероятных причин

этому две: во-первых, ни сам Потанин, ни его современники, писавшие его биографию (например, по случаю его 80-летия), не выделяли жанр травелога в отдельный блок, а крымскую поездку как значимый эпизод: он логично воспринимался конъюнктурной чередой публикаций, имеющих очерковую природу, о мало значимой поездке накануне важной экспедиции; во-вторых, не занимаясь специально дискурсом травелога, исследователям до сих пор не было смысла отделять материалы крымского путешествия от других газетных публикаций областного направления. С современной точки зрения, когда изучение травелогов представляется важной задачей не только истории региональной словесности, но и такого направления, как микроистория, рассмотрение эгодокументальной прозы одного из ключевых акторов сибирской общественной жизни второй половины XIX в. может быть крайне полезно. Так, пристальное изучение этого прежде малозначимого произведения вполне может уточнить вклад Потанина в сибирскую имагологию Украины, а также внести ясность в генезис и эволюцию областнических идей, особенно в плане антиколониальной тематики (подробнее см.: [11]).

В частности, может быть более подробно раскрыта тема уральской казачьей общины, важной и для его «крымских писем», и для его научного наследия (особенно в плане противопоставления сибирских туземцев и колонистов), и для его мемуаров: законсервированный во времени дух коллективизма уральского казачества чрезвычайно импонирует Потанину и естественным образом склонял его к сравнению украинского казачества, романтизированного Н.В. Гоголем [10. С. 43], уральского казачества, отчасти идеализированного самим Потаниным, и родного ему сибирского казачества, представлявшего собой и в социальном, и в культурном плане специфическое явление:

Уральская община, – писал Потанин в «Крымских письмах», – это обломок старого русского быта, древность из музея. Она имеет несколько привилегий, и члены ее, боясь потерять их, твердо держатся за старые формы. Все извне приносимое встречается недружелюбно: в науке, искусстве, в европейских идеях подозреваются разрушительные для общины элементы. Пришельца резко отличают от туземца и смотрят на него, как на чужого. Другие отношения замечаются в Сибири. Это страна молодая, восприимчивая, податливая к нововведениям, здесь нет какого-нибудь «учуга», который составлял бы в одно и то же время краеугольный камень

народного быта и юридически-социальный архаизм. Здесь нет «липовых аллей» и «дворянских гнезд», здесь нечего ни сжигать, ни разрушать; этой стране, входя в новый мир идей, не приходится отвергать своих старых богов, подобно Руфи, или прятать их в саквах, подобно Рахили [12. С. 193].

Образ повествователя-сибиряка, имеющего двойную («западно-восточную») идентичность и осознающего свой статус субалтерна в отношении имперского центра, в травелоге Потанина может быть понят только через призму двойственной природы его профессиональной идентичности, основанной на пересечении научных, публицистических и идеологических практик. С одной стороны, Потанин стремился институционально утвердить себя в роли авторитетного исследователя, что требовало значительных затрат времени на полевые работы и написание научных трудов. С другой стороны, активное участие в публицистических (позднее – и в художественных) проектах областного характера выдвигало на первый план особую роль идеолога, формирующего влиятельные региональные смыслы и репрезентации. Такое сочетание ролей ретроспективно осмысливалось поздним Потаниным как выбор между жизненными стратегиями, который он впервые осознал еще в студенческие годы:

В течение университетской жизни, – вспоминал Г.Н. Потанин, предваря повествование о каторжных злключениях 1860-х гг., – я колебался между натуралистом и публицистом, но поехал из Петербурга в Сибирь путешественником-натуралистом. Я прочитал «L'Asia centrale» Гумбольдта; воспламененное воображение рисовало находящееся в глубине Азии озеро Хуху-Нор и окружающие его снежные пики, которым туземцы дают имя патриархов; на берегах этого озера не бывала нога европейца [10. С. 182].

Дискурс путешествия помогает автору перестать сомневаться и осмыслить себя в синкретической роли ученого-путешественника, который одновременно и классифицирует, и оценивает, и использует приемы художественного письма, исполненного обобщений и иносказаний. Сам Потанин отчетливо видел истоки своей исследовательской тяги к путешествиям в просветительской и колониальной словесности, где наличествовали персонажи типа Робинзона Крузо [10. С. 41] и где при помощи образов дикарей противопоставлялись метрополии и колонии, миры цивилизованные и неизведанные. Идентичность сибирского казака при этом определяла такую стратегию

письма, при которой цивилизационная дистанция между Европой и Азией часто не была четко обозначена, а иногда, в дискурсах самоориентализации, полюсы этой дихотомии менялись местами – и тогда не только дикари, но и казаки, включая повествователя, наделялись «нецивилизованными» чертами (см., например, повествование о стычках с казаками на берегах р. Алматы [10. С. 57–62]).

Литературные и идеологические ориентиры, восходящие к европейским колониальным сюжетам и историко-философским дискурсам европейского и американского регионализма, формировали взгляды Потанина на окружающий мир и задавали рамки его автобиографического мифа. Однако воплощение в путевых текстах ученого круга социально-политических проблем стремительно эволюционирующего областничества неизбежно обуславливалось конкретным историческим контекстом эпохи. Путевые заметки 1876 г. писались в сложное и насыщенное событиями время, которое Н.Н. Яновский охарактеризовал следующим образом: это было время «в канун второй революционной ситуации в стране, когда даже в легальной печати так или иначе росла и усугублялась дискуссия о путях развития пореформенной России, когда только отшумела трагическая эпопея “хождение в народ” революционно настроенной молодежи» [12. С. 15]. Часть вопросов назрела особенно остро. Среди них – вопросы колониального статуса Сибири, острый дефицит интеллектуальных ресурсов (и связанная с этим надежда на создание сибирского университета), а также проблема вымирания коренных народов. Эти темы, важные для формирования сибирской идентичности и областнической идеологии, нашли отражение и в крымском травелоге Потанина, который стал своеобразным зеркалом его интеллектуальных и общественных поисков в 1870-е гг., разумеется, с учетом цензурных ограничений. Темы, напрямую касающиеся социальной и политической ситуации в Сибири, неизбежно приобретали не только практический, но символическо-метафорический характер, вписываясь в традицию просветительских текстов, одновременно и критических, и осторожных. Таким образом, важная проблема исследования травелога Потанина – это проблема изучения его синкретического языка, в котором причудливо совместились научные, публицистические и художественные приемы и средства.

Обратимся непосредственно к описанию и анализу крымского травелога, начав с текстологической проблемы. В 1876 г. Потанин опубликовал 3 текста, имеющих разные названия, но тесно связанных друг с другом: «Крымские письма сибиряка», «Из записной книжки сибиряка» и «Путевые заметки от Новочеркасска до Казани». Первые два опубликованы друг за другом в иркутской газете «Сибирь» под псевдонимом «Авесов»¹, а «Путевые заметки от Новочеркасска до Казани» – за подписью «Григорий Потанин» появились в «провинциальном литературном» сборнике «Первый шаг», изданном в Казани бывшей редакцией «Камско-Волжской газеты». В советский период тексты этих травелогов были напечатаны в 7-м томе «Литературного наследства Сибири», правда, не целиком и без указания, что публикуются в сокращении: пропущено начало «Крымских писем» из № 12 «Сибири» от 4 апреля 1876 г. Рассмотренные в целостности, эти публикации позволяют увидеть кольцевую композицию, объединенную темами деградации «скучного» юга, античными кодами и преобладанием сибирского начала, не знавшего рабства, но знающего колониальную эксплуатацию. Отсюда важный для Потанина прием явного и скрытого противопоставления «пришельцев» и «туземцев», в роли которых попеременно оказываются то инородцы, то более прогрессивные жители империи: «Хайдаков не туземец, человек пришлый; это можно было угадать из его повествования, если он бы сам не открылся в этом. Он явился в Сибирь в качестве конвикта. Как человек из культурной страны, очутившись между нами, дикарями, он живо схватил нашу внешность, но в душу нашу он не проник» [12. С. 199].

В плане метафорического (имплицитного) противопоставления «пришельцев» и «туземцев» можно воспринимать переложение Потаниным сюжета сказки барабинских татар, почерпнутой им из IV тома «Образцов народной литературы тюркских племен...» В.В. Радлова (в главе «7 июля. Ялта»), опубликованного в 1872 г.:

Молодой человек приезжает во владения красавицы, но сначала прячется от нее, потому что красавица обладает богатырской силой. Когда Пи-кыз ложится спать, юноша подкрадывается к ней, ворует у нее золотой гробень, но не довольствуется этим. Он обзарился на ее соболью шапку, снимает ее и надевает на красавицу свой изношенный картуз; увлекаясь еще

¹ Вероятнее всего, этот псевдоним происходит от крымско-татарского слова «авес», т.е. «страсть», «увлечение», «интерес».

более, он снимает с нее золотой пояс и опоясывает ее своим худеньким пояском; он снимает с нее также соболью шубу и надевает на нее свою одежду, вероятно, какую-нибудь изношенную рубашонку, сшитую, может быть, из смывного ситца фабрики Зубкова в селе Иванове. Обобрав с красавицы соболи и золото, нахальный юноша ложится подле нее. Пи-кыз вскрикивает, поднимается страшный шум; пробудившиеся подруги бросаются на красавицу Пи-кыз, принимая ее по ее странному костюму за чужеземца, и вяжут; в это время ловкий юноша успел выскочить в окно и убежать. Когда недоразумение разъяснилось, юноша, насмевшийся над дикой красавицей, был уже далеко. Но вместо презрения к дерзкому и беспутному юноше красавица Пи-кыз чувствует влечение к нему – она чувствует, что у ней будет ребенок. И она собирается в дальний путь искать чужеземца [12. С. 198].

Потанин не указывает название сказки, но описываемый сюжет позволяет легко определить, что имеется в виду эпическое сказание (дастан – см. об этом: [13. С. 51–52]) «Цонтай Мерген», открывающая указанную книгу В.В. Радлова [14. С. 1–5]. Этот том не содержал русских переводов и вряд ли был хорошо известен широкой публике, поэтому сибирские читатели могли объяснить столь внезапное отступление от ялтинского пейзажа стремлением ученого автора поделиться редким фольклорным материалом, лишь в общих чертах связанным с сибирской темой «крымских писем» (в травелоге некоторые темы вводятся как бы внезапно – случайная встреча, найденная газета и др.). Однако сопоставление потанинского рассказа о Пи-кыз с текстом татарского оригинала не оставляет сомнений в том, что в этой части травелога Потанин использует литературные приемы для контекстуального противопоставления колонии (в образе Пи-кыз) и метрополии (в образе обворовавшего и обесчестившего ее юноши-«чужеземца»). На это указывают следующие детали:

1. Из большого количества эпизодов, составляющих насыщенный событийный уровень дастана «Цонтай Мерген», Потанин взял только один, где ханский сын, выполняя задание некоего случайного человека, пробирается к Пи-кыз («царь-девице»), чтобы украсть золотой гребень. Пересказанный сюжет больше соответствует основной теме травелога (имплицитном и эксплицитном сравнении пространств Сибири и российского Юга), чем оригинал, построенный на типично фольклорных коллизиях.

2. В целом, будучи довольно точным в деталях, Потанин в изложении татарского сюжета в двух случаях допускает вольность, которая привносит в текст совершенно другой смысл: рубашка, сшитая, «может быть, из смывного ситца фабрики Зубкова в селе Иванове», позволяет предположить русское происхождение юноши, а эпизод, когда «пробудившиеся подруги бросаются на красавицу Пи-кыз, принимая ее по ее странному костюму за чужеземца», наводит на мысль о взаимодействии русского «пришельца» и туземной царевны – это неминуемо привносит в текст колониальную тематику. В оригинальном тексте дастана нет никаких указаний на иноземное происхождение Цон-тай Мергена, а в эпизоде «неузнавания» Пи-кыз принята подругами не за чужеземца, а просто за мужчину, поскольку на ней были мужские одежды: «Қырқ қызақлары тұрды, жігітні қысның тонын кін алғанда қыс тап пілді, қысны жігітнің тонында жігіт тап пілді» (в переводе Ф.С. Сайфулиной и Ф.Ю. Юсупова: «Проснулись (и) сорок подруг, парня в шубе девушки приняли за девушку, девушку в шубе парня, подумали, что парень» [13. С. 64]).

Такой способ организации материала свидетельствует о намерении автора художественными средствами сформировать специфическую текстовую структуру, которая только формально отражает фактическую сторону реального путешествия в Крым – содержательно она подчинена художественно-идеологическим задачам суггестивного характера. Этот подход соответствует представлениям о травелоге как гибридном жанре, где границы между воображением и документальностью стираются для достижения определённого идеологического эффекта [15. Р. 12].

Кроме эпизода со эпическим сказанием барабинских татар, главный аргумент такого утверждения – стремление ввести читателей в заблуждение относительно нескольких важных аспектов: цели, хронологии и маршрута путешествия в Крым. Цель поездки в травелоге специально не оговаривается, но легко реконструируется по письмам и мемуарам Потанина: в период подготовки к монгольской экспедиции Потанин проходил стажировку под руководством профессора Петербургского университета А.А. Иностранцева и в течение лета по собственной инициативе составил ему и его коллеге, профессору Горного института Н.П. Барбот-де-Марни, компанию в изучении водоснабжения императорских дворцов в Ливадии и Ореанде [10. С. 292;

17. С. 170]. При этом Потанин формирует у читателя представление о том, что его поездка в Крым – это поездка вынужденная, семиотически близкая понятию «ссылка». Этот приём позволяет автору укрепить образ Сибири как более важного и значимого пространства даже на фоне предполагаемой элитарности южных территорий.

Мистификация с маршрутом и хронологией путешествия нуждается в более подробном рассмотрении. «Крымские письма сибиряка» и «Путевые заметки от Новочеркасска до Казани», опубликованные, как уже было указано выше, в разных местах, – это на самом деле отражение одного и того же путешествия, предпринятого Потаниным летом 1875 г. по маршруту Петербург – Крым – Петербург, в то время, как текст «Из записной книжки сибиряка» представляет собой описание маршрута по пути в научную экспедицию спустя год: в мае 1876 г. он выехал из Петербурга в сторону Китая и в апреле 1877 г. вернулся обратно. Таким образом, публикуя без перерыва и без специфического указания на разницу маршрутов свои путевые впечатления в иркутской газете, Потанин объединил в читательском восприятии два разных путешествия в одно и сформировал, таким образом, воображаемый маршрут по окраинам империи: из Петербурга в Крым и далее (через Поволжье) в Сибирь, и только внимательный читатель мог обнаружить разницу в датах и разграничить маршруты (путешествие в Крым – это июнь–июль, а поездка в Сибирь начинается 23 мая). Однако даже в таком случае прием монтажа двух разных летних поездок семиотически объединял тексты в единое целое, представляя их как один текст.

Иллюзорность маршрута усложняется неточным указанием хронологии путешествия: июньские даты реальных перемещений Потанина по южному побережью Крыма, обнаруживаемые в его письмах Н.М. Ядринцеву, не совпадают с датами, указанными в заголовках публикаций в отдельных номерах «Сибири». Если бы это была небольшая погрешность, ее можно было бы списать на ошибки памяти. Однако существенная разница в датах и содержательная специфика травелогов склоняют к мысли о сознательной обработке, предпринятой автором в целях, не сводимых только к документальным задачам путевого дневника, а позиция ненадежного рассказчика, вольно или невольно возникшая в результате публикации в «Сибири», контрастирует с обычной повествовательной стратегией Потанина и тем самым ставит крымский травелог особняком во всем его публицистическом и мемуарном наследии.

Такая пространственно-временная организация предоставляет повествователю возможность сравнивать природные, культурные, этнографические и экономические особенности двух разных типов имперских окраин: южной, соседствующей с Европой и Турцией, и сибирской, обращенной к Центральной Азии и Китаю. С другой стороны, это снижает документальное начало травелога и усиливает художественно-идеологическое, направленное не на отражение реальности, а на ее конструирование. Что касается «Путевых заметок от Новочеркасска до Казани», опубликованных в казанском сборнике, то они вместе с очерком А.С. Гациского «Из путевых заметок по нижегородскому Поволжью» и стихотворением «Родная глушь (На Меше)», подписанным псевдонимом «П. Поволжский», составляют внушительный блок художественно-публицистической информации о пространстве Поволжья [16. С. 227–334]. Намерение сделать специальный материал в сборник К.В. Лаврского Потанин высказал еще до начала крымского путешествия в письме А.С. Гацискому от 26 мая 1875 г. [17. С. 164]. Потанин также знал, что статей у Лаврского еще мало [17. С. 165], поэтому мог раздробить единый травелог, пожертвовав часть путевых записей в казанский сборник. Кроме того, очевидно, что у этих травелогов должен быть читатель, привыкший к дискурсам «Камско-Волжской газеты», т.е. явно отличный от читателя иркутской газеты.

Специфическая пространственно-временная организация трех путевых нарративов, опубликованных в 1876 г., формирует проблемы жанра и композиции. Травелог можно назвать «крымским» только в силу направления движения повествователя в пространстве. С композиционной, идеологической и повествовательной точек зрения ключевым пространственным концептом этого текста выступает Сибирь, и это отчасти сближает «Крымские письма» с жанром «антитравелога»: он лишь формально соответствует традициям путевой литературы, а содержательно является способом публицистических рассуждений о пространстве, которое не является прямым объектом наблюдений. Крым – это «чужое», «неправильное» пространство, прямо противопоставленное положительно маркированной Сибири – именно об этом повествуют все 17 эпизодов, или «глав»¹, опубликованных в № 12, 14–18 и 21–23 газеты «Сибирь».

¹ Интересно, что в крымском травелоге Г.Н. Потанина отсутствует единообразие наименований этих «глав»: одна часть обозначена только датой («9 июня»),

Проблема композиции проявляется в том, что не вполне ясно, следует ли эти тексты рассматривать как отдельные травелоги или как один большой травелог, состоящий из материалов двух путешествий? В любом случае тексты, опубликованные в «Сибири» и в сборнике «Первый шаг», очевидно, воспринимались автором как концептуальное целое, объединенное повествовательной инстанцией «ученого сибиряка», совершившего ориентальный вояж в Крым с целью лучшего познания Сибири и возвращающегося в Сибирь как типологический внутренний восток Российской империи. В то же время объединенный травелог Потанина может быть описан как два или три разных текста в отношении пространственной тематики – как это, например, сделано в аннотированном указателе «Русский травелог XVIII – начала XIX веков» [18. С. 234, 343].

Таким образом, ведущими принципами организации материала в крымском травелоге Потанина становятся мистификация и противопоставление, главная задача которых – отделить концепты «своего» и «чужого», вовлекая иркутского читателя в социально-политическую дискуссию. Упоминая Севастополь, Ялту, Керчь и другие, более мелкие поселения, Потанин повсеместно фиксирует «чуждость» всего наблюдаемого. Повествователю одиноко и некомфортно – эти мотивы постоянно повторяются как в письмах Ядринцеву, так и во всем крымском травелоге. Подобная нарративная стратегия помогает продемонстрировать моральное и культурное превосходство «своего» пространства над «чужим», становясь основой для размышлений о колониальных отношениях и будущей судьбе Сибири.

Потанин не описывает, каким путем прибыл в Крым, читатель только догадывается, что поездка началась в метрополии, на Севере. Во вводном письме он лишь указывает, что прибыл на поезде, оказавшись в стране чудес, где его сразу окружила смесь Азии с Европой. В сознании путешественника, однако, смешиваются прежде всего Юг и Восток, Крым и Сибирь, две окраины Российской империи, находя-

«10 июня», «13 июня», «14 июня» и др.), другая часть имеет указание на локус («4 июля. Бахчисарай», «7 июля. Ялта», «19 июля. Ялта», «21 июля. Ялта», «23 июля. Ялта»), и один эпизод от 24 июля имеет подзаголовок «Сибирские чиновники и крестьянская община».

щиеся не в лучшем культурном и экономическом положении. Природные различия не важны путешественнику, ему важны различия другого рода, для чего он и вводит в свое повествование негативный образ поэта П.П. Ершова (через много лет этот образ все еще будет удобным приемом сравнения типов истинной и ложной «сибирскости»). Ершов искренне пытался быть сибирским поэтом, воспевать свою красавицу-Сибирь, но «какая поучительная судьба! Человек горячо, до сумасбродства, любил свою родину, и она погубила его, эта “северная красавица”, которая, однако же, была холодная, грязная и грубая красавица, колотившая своего любовника кулаком. Иначе и не могло случиться. Тут надо было другой характер или более богатые дарования. Теперь смешно читать эту историю, как человек с такими небогатыми силами, с ленивым характером и без всяких знаний задумал доставить славу своей красавице. Это была сделана большая глупость – красавица была-таки довольно величественна, и не с силами Ершова было становиться в такую позу в отношении ее» [12. С. 185]. Образ Сибири как женщины эксплицитно связан с татарской сказкой о Пи-кыз и в постколониальном ключе вполне может быть интерпретирован как вариант темы захвата, подчинения и объективации колонии (как женщины) в дискурсах ориентализма.

Рассуждения Потанина о двух типах локального патриотизма – украинского (в лице Т.Г. Шевченко) и псевдосибирского (в лице П.П. Ершова) приводят к выводу не в пользу последнего: «Будучи робким в частной своей жизни, Ершов был вместе с тем и литературный трус; он бы никогда не осмелился сказать, как Шевченко: “Пови-тайте мои думы до Украины”!» [12. С. 186]. Украинское пространство, скрытое в травелоге под рассуждением о Ершове и его непоследовательном (неглубоком) сибирском патриотизме, отражает важность украинофильской тематики в генезисе областнической идеи: Потанин с интересом наблюдает за развитием украинского областничества, но в травелоге предпочитает упоминать его только в культурном контексте, избегая политических и экономических вопросов. В литературном отношении Украина противопоставлена также Центральной России не в пользу последней: «В Малороссии существовала большая народная литература эпических дум, изображавших народную жизнь и подвиги народных героев; великорусская земля по-

добной литературы не имела; вместо того здесь появляется литература интеллигенции, создаваемая по западным образцам; сначала она касается только жизни высших интеллигентных классов общества и только впоследствии начинает демократизироваться и описывать быт податных классов» [12. С. 187].

В эпизоде, описывающем дискомфортное путешествие в Ялту, стоит заголовок «10 июня», между тем из письма Потанина от 18 июня 1875 г. известно, что он в этот момент находился еще в Харькове, положительно маркированном как «малорусское» пространство «с мазанками, окрашенными белым мелом и с соломенными крышами; в городе с пирамидальными тополями и белыми акациями в садах, с виноградом по водосточным трубам и проч.» [17. С. 168]. Положительная маркировка украинского топоса в письме корреспондирует с положительной оценкой фигуры Т.Г. Шевченко в травелог.

В Ялту Потанин прибыл только 24 июня – это следует из письма Ядринцеву от 27 июня 1875 г. [17. С. 170]. В этом письме Потанин описывает свой маршрут: Харьков – Севастополь по земле и Севастополь – Ялта на пароходе. Дорога от Харькова до Севастополя обозначается как движение по Новороссии, «которая представляет [собой] степь, занятую до самого горизонта пашнями, и только около деревень появляется древесная растительность и сады» [17. С. 170]. Граница между малороссийским пространством и типологическим «югом» обнаруживается автором только на южном берегу Крыма, по пути к Севастополю, где автор наблюдает «места с большим разнообразием»: гору Чатыр-Даг, древний монастырь, «вделанный в скалу», а также «красные фески, пассажиры IV класса, пропитывающиеся маслинами, дамы в легких дачных платьях, каменные заборы, виноградники» [17. С. 170]. Примечательно, что в этот положительный южный колорит Севастополь не вписывается, будучи маркированным как город скучный, пыльный, душный, состоящий из полуразвалившихся домов. Несмотря на то, что в Севастополе большинство населения русское, Потанин маркирует этот город как «иностранный», населению которого «чужды интересы русского Севера» [17. С. 171]. Ялта же, наоборот, в этом письме обретает коды «северного» (т.е. русского, европейского) пространства: «это почти небольшой кусочек Невского, но окруженный высокими, покрытыми лесом, горами. С па-

рохода городок кажется прелестной картиной. <...> За городом стеной идут уже настоящие бесчисленные дачи с вычурной архитектурой, точь-в-точь как на островах в Петербурге <...> Гостиниц также множество, и притом есть две великолепные: «Россия» и «Hotel d'Edinbourg» [17. С. 171].

В травелоге сохраняется негативный тон в отношении «скучных твердынь» Севастополя [12. С. 188]. Основанием для противопоставления является различие в отношениях человека и природы: если в Ялте человеку сопутствует растительный мир, то в Сибири – животный. Таким образом, Сибирь объявляется более живой (и «настоящей»), чем Крым, и это подтверждают компаративные рассуждения о типах населения в Сибири, на Урале и в Крыму: в отличие от пространств, где колонизация производит специфический вариант русского народа, возникший под влиянием инородческого окружения и особых климатических условий (позднее, в 1882 г., Н.М. Ядринцев в своей фундаментальной работе «Сибирь как колония» вполне четко укажет на этот особый культурно-антропологический тип «сибиряка» [19. С. 50–85]), население Ялты в глазах Потанина сплошь состоит из дачников и «ремесленников, лавочников, конюхов, парикмахеров и тому подобных людей, работающих на дачников» [12. С. 190].

У такого пространства нет никакой надежды на возникновение местного патриотизма:

Кажется, убери дачников, и как метлой сметет не только калужанина-парикмахера, но и туземца-фруктовщика. Тут не видно того солидного туземца, как во всех остальных краях, который составляет главный фон жизни и резко выделяется от представляющего эфемерное явление пришельца. Я хотел бы усмотреть, где тут лежит тот коренной пласт, которому принадлежит будущее края, который можно бы назвать общественным телом Крыма, из которого должна выйти местная интеллигенция, – но такие допытывания теперь кажутся даже смешными. Все в высшей степени индивидуально; в глазах рябит от разнообразных костюмов, языков и экономических стремлений; это собрание конюхов, огородников, парикмахеров, прачек, но не плотная оседлая масса, в которой можно было бы, несмотря на ее невежество, уже и теперь изучать намеки далекого будущего [12. С. 196].

В письме Н.М. Ядринцеву от 11 июля 1875 г. Потанин высказывает сходную мысль, помещая в компаративный контекст Крым, Польшу и Сибирь:

Я думаю, что когда-нибудь и для Крыма настанет время пробуждения. Но тут самый решительный контраст с Сибирью. Крым – страна богачей, аристократов, от Польши он отличается тем, что его аристократия чужда ему по своей религии и народности. И притом татарину выгодно это нашествие дачников и землевладельцев: цены на продукты сельскохозяйственные и заработок стоят здесь высоко. Мне кажется, что в Крыму долго не образуется и того самого слабого местного патриотизма, какой можно замечать, например, где-нибудь в Калужской или Рязанской губернии [17. С. 177].

Гораздо более резкое суждение относительно «пестрого населения» Крыма содержится в главе, датированной 27 июля, когда Потанин отправляется в обратный путь:

Разнообразие на таком маленьком пространстве теряет свое назначение успокаивать нервы, утомленные впечатлением однообразия. Правда, пассажирская публика везде более или менее пестра, пестрота ее случайна, но в других случаях знаешь, что стоит сойти с трапа – и простишься с этой пестротой. Здесь нет. Та же пестрота преследует вас и на материке; чувствуешь, что все эти различные языки, костюмы и пр. служат только разгородками между людьми, указывают на существование других мнений, враждебных между собой, непримиренных. Хотелось бы в этом калейдоскопе примкнуть куда-нибудь с своими симпатиями, но напрасно; кто симпатичнее, кто гнуснее, еще не выяснилось, все еще в хаотическом состоянии... [12. С. 204].

Таким образом, вход в крымское пространство Потанин описывает как проникновение в «чужеродный» мир, который имеет очень слабые надежды на развитие культурного начала и еще менее слабые – на возникновение местного («туземного») патриотизма. Потанин дает самый минимальный исторический контекст: в его травелоге нет веков крымской истории, очень мало поэзии и восторженности. Главное для него – современное состояние и будущее развитие имперских окраин, очевидно, противопоставленных метрополии, как I и III классы парохода в Ялту (или как рота и эскадрон и места их проживания в Омском кадетском корпусе: «Бельэтаж – это была Европа, нижний этаж – Азия» [10. С. 42]). Эпизоды крымского травелога идеологически направлены на сибирского читателя, которому нужно объяснить, что «северная красавица» Сибирь гораздо более величественна и притягательна в своей туземности, чем южные курортные города, куда так стремятся толпы обывателей из метрополии.

Список источников

1. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Потанин, последний энциклопедист Сибири: Опыт осмысления личности. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. 208 с.
2. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск : Сова, 2008. 270 с.
3. Жиликова Н.В. Журналистика дореволюционной Томской губернии: идея областничества. Томск : Издательство Томского университета, 2014. 288 с.
4. Анисимов К.В. Восточный травелог русской литературы XIX в.: «воображение» имперских окраин и поэтика повествования (предварительные замечания) // Имагология и компаративистика. 2014. № 1 (1). С. 5–21.
5. Головинов А.В., Должиков В.А. «Камско-Волжская газета» и сибирское областничество: ключевое идеологическое и практическое значение (на эпистолярных источниках 1873–1874 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 22–29.
6. Казаркин А.П., Серебренников Н.В., Доманский В.А. Сибирь в контексте мировой литературы: опыт самоописания. Томск : Сибирика, 2003. 216 с.
7. Янушкевич А.С. Дихотомия сибирского текста // Евразийский межкультурный диалог: «свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2007. С. 334–345.
8. Pereira N.G.O. The Idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia // Russian History. 1993. Т. 20, № 1/4. P. 163–178.
9. Watrous S. The regionalist conception of Siberia, 1860 to 1920 // Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture. New York : Palgrave Macmillan US, 1993. P. 113–132.
10. Литературное наследство Сибири. Новосибирск : Западно-Сибирское книжное издательство, 1983. Т. 6. 336 с.
11. Малинов А.В., Пешперова И.Ю. Две версии областничества: Г.Н. Потанин и М.И. Драгоманов // Studia culturae. 2016. № 27. С. 136–149.
12. Литературное наследство Сибири. Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 1986. Т. 7. 344 с.
13. Юсупов Ф.Ю., Сайфулина Ф.С., Хисамов О.Р., Гумеров И.Г. Барабинские татары. Страницы духовной культуры. Казань : Казан. ун-т, 2013. 668 с.
14. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи [на языках подлинников] : в 10 ч. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1872. Ч. IV. 411 с.
15. Thompson C. Travel Writing (1st ed.). New York : Routledge, 2011. 240 p.
16. Первый шаг. Провинциальный литературный сборник. Казань : Типо- и литография К.А. Тилли на Грузинской улице, 1876. 594 с.
17. Письма Г.Н. Потанина : в 5 т. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1988. Т. 2. 344 с.

18. Русский травелог XVIII – начала XX веков: аннотированный указатель. Новосибирск : Немо Пресс, 2018. 832 с.

19. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия: современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1882. 471 с.

References

1. Sagalaev, A.M. & Kryukov, V.M. (2004) *Potanin, poslednii entsiklopedist Sibiri: Opyt osmysleniya lichnosti* [Potanin, the Last Encyclopedist of Siberia: An Attempt to Understand a Personality]. Tomsk: Izd-vo NTL.

2. Shilovsky, M.V. (2008) *Sibirskoe oblastничество v obshchestvenno-politicheskoi zhizni regiona vo vtoroy polovine XIX – pervoi chetverti XX v.* [Siberian Regionalism in the Socio-Political Life of the Region in the Second Half of the 19th – First Quarter of the 20th Century]. Novosibirsk: Sova.

3. Zhilyakova, N.V. (2014) *Zhurnalistika dorevolutsionnoi Tomskoi gubernii: ideya oblastничества* [Journalism of the Pre-Revolutionary Tomsk Province: The Idea of Regionalism]. Tomsk: Tomsk State University.

4. Anisimov, K.V. (2014) Eastern travelogue of Russian literature of the 19th century: the "imagination" of the imperial outskirts and the poetics of narration (preliminary remarks). *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 1. pp. 5–21. (In Russian).

5. Golovinov, A.V. & Dolzhikov, V.A. (2024) Kamsko-Volzhskaya gazeta and Siberian regionalism: Key ideological and practical significance (based on epistolary sources of 1873–1874). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 500. pp. 22–29. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/3

6. Kazarkin, A.P., Serebrennikov, N.V. & Domansky, V.A. (2003) *Sibir' v kontekste mirovoi literatury: opyt samoopisaniya* [Siberia in the Context of World Literature: An Attempt at Self-Description]. Tomsk: Sibirika.

7. Yanushevich, A.S. (2007) Dikhotomiya sibirskogo teksta [The Dichotomy of the Siberian Text]. In: *Evrasiiskii mezhekul'turnyi dialog: "svoe" i "chuzhoe" v natsional'nom samosoznanii kul'tury* [Eurasian Intercultural Dialogue: "Own" and "Alien" in the National Self-Consciousness of Culture]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 334–345.

8. Pereira, N.G.O. (1993) The Idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia. *Russian History*. 20 (1/4). pp. 163–178.

9. Watrous, S. (1993) The regionalist conception of Siberia, 1860 to 1920. In: *Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture*. New York: Palgrave Macmillan US. pp. 113–132.

10. Yanovskiy, N.N. (ed.) (1983) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [The Literary Heritage of Siberia] Vol. 6. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.

11. Malinov, A.V. & Peshperova, I.Yu. (2016) Dve versii oblastничества: G.N. Potanin i M.I. Dragomanov [Two Versions of Regionalism: G.N. Potanin and M.I. Dragomanov]. *Studia culturae*. 27. pp. 136–149.

12. Yanovskiy, N.N. (ed.) (1986) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [The Literary Heritage of Siberia] Vol. 7. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
13. Yusupov, F.Yu., Saifulina, F.S., Khisamov, O.R. & Gumerov, I.G. (2013) *Barabinskije tatary. Stranitsy dukhovnoy kul'tury* [Barabinsk Tatars. Pages of Spiritual Culture]. Kazan: Kazan University.
14. Radlov, V.V. (1872) *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzhungarskoi stepi [na yazykakh podlinnikov]: v 10 ch.* [Specimens of the Folk Literature of the Turkic Tribes Living in Southern Siberia and the Dzungarian Steppe [in the original languages]: in 10 parts]. Part IV. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
15. Thompson, C. (2011) *Travel Writing* (1st ed.). New York: Routledge.
16. Anon. (1876) *Pervyy shag. Provintsial'nyy literaturnyy sbornik* [The First Step. A Provincial Literary Collection]. Kazan: Tipo- i litografiya K.A. Tilli na Gruzinskoi ulitse.
17. Potanin, G.N. (1988) *Pis'ma G.N. Potanina: v 5 t.* [Letters of G.N. Potanin: in 5 vols]. Vol. 5. Irkutsk: Irkutsk University.
18. Anon. (2018) *Russkiy travelog XVIII – nachala XX vekov: annotirovannyi ukazatel'* [The Russian Travelogue from the 18th – Early 20th Centuries: An Annotated Index]. Novosibirsk: Nemo Press.
19. Yadrintsev, N.M. (1882) *Sibir' kak koloniya: k yubileyu trekhsotletiya: sovremennoe polozhenie Sibiri, ee nuzhdy i potrebnosti, ee proshloe i budushchee* [Siberia as a Colony: Towards the Tercentenary Jubilee: The Contemporary Situation of Siberia, Its Needs and Requirements, Its Past and Future]. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha.

Информация об авторе:

Алексеев П.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия); старший научный сотрудник Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: pavel.alekseev.gasu@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

P.V. Alekseev, Dr. Sci. (Philology), professor, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation), senior research fellow, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: pavel.alekseev.gasu@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 15.06.2025.

The article was accepted for publication 15.06.2025.